

DOI: 10.22363/2224-7580-2024-3-114-124

EDN: OBGTVL

ЧУДО ПРИРОДЫ КАК САКРАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

В.А. Маслова*

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский пр-т, д. 33*

Аннотация. В статье на примере восприятия природы человеком показано, что это чудо, а сама природа есть сакральная и метафизическая сущность. Завеса над тайной чуда может быть приоткрыта через язык и поэзию, которая есть высшее проявление национального языка, его вершина и квинтэссенция. Чудо воспринимается и переживается человеком, он понимает его непостижимость и власть над собой.

Ключевые слова: сакральность, религиозное чудо, чудо природы, русская лингвокультура

В понимании *чуда* превалирует духовно-мировоззренческое начало. Оно является религиозным по своей сути, ибо в чуде присутствует таинственная сущность, которая не позволяет понять и объяснить прорыв трансцендентального в реальность. Чудо сакрально, а само сакральное – это метафизическая категория, в которой мировоззрение отлично от обычного, магического и др.

Чудо лишь переживается человеком, он понимает его непостижимость и власть над собой. Мы дивимся чуду, которое, говоря словами Б. Пастернака, «настигает мгновенно и врасплох». Поэтому чудо – метафизическая сущность. Как известно, метафизика – фундаментальная философская дисциплина, постигающая первоосновы бытия и познания. Чудо как раз менее всего понятная сущность. Мы попытаемся приоткрыть завесу над тайной чуда посредством языка и поэзии, которая есть высшее проявление национального языка, его вершина и квинтэссенция. Не случайно родоначальником русского языка считается поэт А.С. Пушкин.

Метафизика языка в современных представлениях – это учение о глубинных знаниях в слове. А язык, особенно поэтический, – орудие создания смысла и одновременно инструмент поиска смысла (*Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу* – Ф. Тютчев). Именно поэзию пронизывает непреодолимая тяга за пределы, к глубинному знанию, она оперирует множеством смыслов и символов, имеющих диффузную и имплицитную семантику. Часто поэзию вообще выносят за границы, в которых действуют законы «рацио». А как иначе объяснить появление поэтов-пророков? Только ли интуиция здесь работает? Эти вопросы пока так и остаются открытыми.

* E-mail: mvavit@tut.by

Значение религиозно-духовной составляющей велико для всего русского языка и русской лингвокультуры. Еще Д.С. Лихачев писал: «Бессмысленно задаваться вопросом – была ли культура Руси до Петра „отсталой“ или не отсталой, высокой или невысокой. Нелепо сравнивать культуру «по росту» – кто выше, а кто ниже». Русь, создавшая замечательное зодчество, высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой» [1. С. 117]. Русские в лице своих лучших представителей (писателей, художников, ученых) ищут смысл существования. Англия называет себя «*доброй старой*», а Русь – *святой*. Д.С. Мережковский считал, что Бог создал Русь уже изначально святой. Таким образом, значение духовной составляющей для русской культуры настолько велико, что заставляет особое внимание уделить религиозным сущностям (концептам), например, таким, как чудо.

Чудо в русской лингвокультуре представлено разными номинациями: *диво*, *диговина*, которые довольно широко распространены в устойчивых выражениях – *диво дивное*, *диву даваться*, *не диво*, *на диво* и др. Есть несколько версий этимологии данной лексемы, приведем две самые распространенные: от старославянского *дивъ* (чудо) и праиндоевропейского *deivos* – Бог. Как видим, *чудо* и *Бог* этимологически, то есть изначально связаны, что еще более убеждает в правильности избранного нами описания концепта как религиозной сущности, ибо религиозный опыт – важнейшее измерение человеческого бытия.

Значение слова «чудо» согласно словарю – «сверхъестественное непостижимое явление, событие, нарушающее известные человеку законы природы и противоречащее имеющемуся у него опытному знанию», которое является проявлением Божьего могущества [2. С. 1205]. В данном словаре, одном из последних по времени серьёзных толковых словарей, как нам кажется, отсутствует важнейшая составляющая данного феномена – *способность вызывать удивление и восхищение*. Следовательно, в светском понимании чуда можно выделить два важных смысла: 1) необъяснимость чуда; 2) эмоциональное отношение к нему – от ужаса до ошеломляющего восторга.

Ассоциативные словари английского, немецкого и русского языков показывают нам, что чудо для англичан – нечто неожиданное, приятное, для немцев – волшебное и притягательное. Для русских – таинственное, божественное и прекрасное. Следовательно, отношение к чуду в английской культуре более рациональное, а в русской – эмоциональное.

Теперь рассмотрим явление чуда по модели, предложенной В.И. Постоваловой для описания религиозного концепта [3. С. 119]. Важной особенностью христианского концепта *чудо* является его парадоксальность, диффузность, амбивалентность: так как мирское его понимание лежит в основе «общечеловеческого» (это первый и второй уровни, по В.И. Постоваловой).

Третий и четвертый уровни составляют духовные смыслы и смысловые оттенки, вырабатываемые в православной конфессии. Так, чудо неожиданно,

оно заставляет человека пересмотреть свои идеалы и свое поведение, а главное, приносит до сих пор неизведанную им радость и умиротворение. Таков образ Павла Петровича Дронова в рассказе священника и писателя А. Ткачева «Страна чудес».

Для пятого и шестого уровней характерно следующее осмысление чуда. Чудо, как и пророческий дар, даны человеку Богом. А Бог – это личность, потому что он любящая сущность: любит свое творение – человека. Видя чудо и понимая его как дар Божий, религиозный человек неизменно впадает в религиозный экстаз, испытывая сильные религиозные чувства и эмоции.

Седьмой и завершающий уровень реконструкции концепта – это место концепта *чудо* в пространстве православного миропонимания. Например, чудо общения со своим родом, предками на Радуницу, сила рода, которая нас поддерживает, – тоже чудо.

Как правило, религиозный концепт предполагает антиномию духовного и телесного, при этом телесное осознается через преодоление своих желаний и не имеет в своей основе глубинного духовного опыта. При этом, как утверждает В.И. Постовалова, содержание многих базисных религиозных концептов, касающихся внутреннего мира человека, в святоотеческой традиции не подлежит рефлексии в силу своей невыразимости» [3. С. 175]. Таково, как нам кажется, *чудо*, которое в своей мистической глубине непостижимо и невыразимо. Нам открыты лишь поверхностные уровни и смыслы. Ф. Ницше объясняет это следующим: «Почему человек не видит сущего? Он сам стоит на дороге и закрывает собой сущее» [4. С. 161].

Чудо может настичь любого человека, независимо от его внешности, возраста, социального статуса, поэтому мы говорим, что оно универсально, потому что всякий человек мечтает о чуде в своих разных проявлениях.

Чудо трудно «поймать» словом, от которого оно ускользает. Человек часто ощущает присутствие некоей силы, дающей помощь, утешение, неожиданные подсказки. Например, чудо у поэтессы Олеси Николаевой: ангел хранитель крикнул и разбудил ее, задремавшую за рулем, что позволило ей избежать аварии.

В основе русского религиозного понимания чуда лежит идея непостижимости и божественной силы: *чудом спастись, чудом оказаться в нужном месте, чудом получить материальные блага* и т.д. Как видим, светское понимание чуда менее возвышенно, более приземлено, в нем не участвует божье провидение. Отсюда наш интерес к божественной стороне данного явления. Однако учет обоих аспектов позволяет утверждать, что чудо в русской лингвокультуре парадоксально, диффузно и амбивалентно.

Природа как чудо. Природа тоже по своей глубинной сути есть чудо. Мир природы – это «космос необъятных размеров». Макс Планк говорил: «Религия и естественная наука ведут совместную борьбу в никогда не прекращающемся и никогда не ослабевающем крестовом походе против скептицизма, против догматизма и против суеверия, и боевой клич в этом походе всегда был и всегда будет: «Вперед к Богу!» [5. С. 28].

В христианской традиции природа осмыслена по-особому. О единстве природы и человека говорит Библия: описывая рождение Девы Марии, автор свидетельствует, как затихла природа, ожидая рождения Младенца. Через «растительные» метафоры и притчи многое объясняется в Новом Завете – Притча о Сеятеле, о Горчичном зерне, об укрощении бури на Галилейском море и др.

В христианстве сохраняются многие сведения о метафизической сущности Природы. Мы приводим здесь описания чудес, опираясь на существующий материал. Материалом служили Патерики, это жанр литературы, состоящий из нравоучительных историй из жизни подвижников, святых, отшельников, монахов. Мы используем отечественные патерики. Так, первым был Киево-Печерский патерик, затем Волоколамский, третьим стал Соловецкий патерик, который начали вести после создания монастыря в XV веке. Есть несколько Московских патериков. Первый и наиболее известный был составлен в 1912 году Евгением Поселяниным. В 1991 году игуменом Иосифом выпущен «Московский патерик». Еще один патерик называется «Древнейшие святые Московской земли» (2003). В этих патериках представлены жития московских святых, есть сказания о чудотворных иконах и другие важные сведения.

Примеры чудес, связанных с природой. Преподобный Флорентий прославился множеством чудес, связанных с природными сущностями. Однажды к его келье приползли ядовитые змеи. По молитве святого ударила молния и убила змей, потом прилетели птицы и унесли их трупы. В засуху по молитвам святых идет дождь, несколько таких случаев описано с преподобным Евтихием. По молитвам преподобного Феофана прекращался шторм, а морская вода превращалась в питьевую.

Преподобная Бега прославилась «снежным чудом». Она попросила местного землевладельца подарить землю для строительства храма. Скупой хозяин ответил, что даст землю, которую наутро покроет снег. А была середина лета. Утром большая площадь земли была покрыта снегом.

Есть свидетельства Е.Н. Погожева (Поселянина), переведшего на русский язык Киево-Печерский патерик. Он написал ряд книг, посвященных жизнеописаниям святых, например, «Собор Московских чудотворцев» (Московский патерик), где приводит ряд чудес, совершаемых святыми и касающихся сил природы.

Какова причастность человека к Природе? Еще Ю. Лотман в свое время говорил, что мы живем в знаковой вселенной. Поэтому язык, будучи системой знаков, помогает нам постичь законы природы и описать их. Но мы описываем законы природы через посредство своего мозга. Но, может быть, с помощью мозга мы приписываем эти законы природе?

В древнерусской «Голубиной книге» дается следующая картина: солнце – это лик Божий (у многих народов), голова – небесный купол, звезды – из рук Божьих, ночи темные – из риз Божьих. «Календарное обозначение солнца и луны человеческими лицами коренится в преданиях глубочайшей древности» [б. С. 198]. Существуют древнерусские сказания, что

вселенная была сотворена «от Адамия», это находит подтверждение в мифах разных народов. Примеры отражения этой модели в языке – многочисленные поэтические метафоры о глазах-звездах, лице-солнце, лице-луне и т.д.

Мы видим, что с цивилизаций происходит отделенность человека от природы. Но человек, с одной стороны социальная, а с другой – природная сущность, в нем многое от природы. Известно, что миф приписывает одинаковые действия людям, явлениям природы, животным, поэтому в мифе еще нет природы, которую можно было бы четко отделить от мира людей. Но позднее человек начинает относиться к природе по образцу более слабого к более сильному, то есть обожествляя Солнце, Воду, Град, Молнию, Дождь, и лишь значительно позднее человек стал чувствовать себя хозяином природы, ее властелином. На самом же деле, «человек – это лишь тростник, и притом очень слабый по природе, но этот тростник мыслит» [7. С. 278]. Кстати, современная наука подтвердила эти странные на первый взгляд связи. Так, В.И. Вернадский пишет: «Человек неразрывно связан в одно целое с жизнью всех живых существ, существующих или когда-либо существовавших... Он может существовать при условии существования зеленых растений» [8. С. 291].

Конец XIX и XX век были ознаменованы новым направлением – *антропокосмизмом*, при котором человек перестает быть центром мироздания. Он осознает свое место не над природой, а внутри ее. На этой тесной связи человека и природы зиждется вся творческая деятельность человека, в том числе и языкотворческая.

Получается, что для нас мир таков, каким он дан нам в языке. А каков мир на самом деле? Какова причастность человека к Природе? Чтобы попытаться это понять, обратимся к представлениям о природе в творчестве национальных поэтов и писателей, которые в силу своего таланта видят больше.

В творчестве молодой, но уже известной писательницы Саша Николаенко в ее повести «Муравьиный Бог: реквием» (2022) мы видим, что природа одухотворяется: *Вселенная жука, его разумность, желание быть, желание жить похожи на твои, и страх, и боль, и смерть, ее предчувствие, сопротивленье ей похожи: вообразить себя жуком, или планетой, или темной? – в которой тысячи жуков, или жуком, в котором тысячи планет, и всё это сложить а одно – как кубик-рубик целиком соединить* [9. С. 102]. Мир вселенной и человека переносится на насекомое, это путь к всеединству.

Все живое подобно человеку, или это только наш мозг так считает? *Запутавшийся в камышинках ветер, завязший в воздухе парном, букашки в джунглях травяных, кровь соков стеблей в трубочках-сосудах, густые капли земляник на темных листьях и тоненькие капилляры паутин – всё становилось им, всё было в нем...* [9. С. 115]. Даже грибы ведут себя по-человечески: *В зелёном бархате тени поганка в серенькой косынке смотрит, как раскалённый печью воздух за оградой дышит* [9. С. 200]. Разнообразный животный и растительный мир, даже представленный столь поэтически, демонстрирует не случайность его появления, и показывает роль Бога Творца. Профессор биологии Э. Конклин из Пристонского университета, говорил, что случайное

происхождение жизни может быть сравнимо лишь с возможностью появления Полного Словаря в результате «взрыва в типографии».

Думается, что природа, с одной стороны, существует независимо от нас, а с другой – она помогает нам понять самих себя, это приоткрытая для нас книга Творца, как считает Д.О. Юнак. И действительно, именно в природе мы видим тень Бога. Пророк Исайя советует в 40 гл. 26 ст: «Поднимите глаза ваши на высоту небес и посмотрите, Кто сотворил их? Кто выводит воинство их счетом? Он всех их называет по имени: по множеству могущества и великой силе у Него ничто не выбывает».

Описанные явления, происходящие в природе, свидетельствуют о том, что всем управляет некий Всеобщий Разум: *Усталая оранжевая лилия, он, ветку наклонив, вдохнул густой дурман, окрасив нос ржавчинками пыльцы, увидел дно, внутри свернулся шмель. – Привет... Но шмель был мёртв. Два ясных серых глаза, не мигая, смотрели смерть шмеля, и выдох шубку шевелил как на живом, как ветер траву* [9]. Чьи это два ясных серых глаза наблюдают за миром, даже за такой его малостью, как смерть шмеля? И здесь нам следует признать, что Вселенной управляет Бог, и Он превыше человека, потому что показывает и объясняет нам всё, например, через видение природы гениальными поэтами. Именно поэты учат видеть мир так, как создал его Господь. Нас учат читать, писать и считать, совершенно не уделяя времени для воспитания благоговения перед природой.

В природе мы на каждом шагу встречаемся с чудесами. Паук плетет паутину так искусно, как не умеет даже человек. Рыба плывет из моря вверх по реке к месту своего рождения на нерест, то есть она обладает памятью? Или это чистый инстинкт, но тогда почему плывет на место своего рождения, а не просто в любую речку? Примеры можно множить и из жизни пчел, муравьев, птиц, но не случайно русский мыслитель В.В. Налимов задается вопросом: какова причастность человека к Природе?

Известно, что духовный мир любой нации определяется окружающей природой, которая подчас оказывается важнее многих других факторов. В своем трехтомном труде «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьев заметил, что древние славяне весь окружающий мир мыслили как одушевленный. Современное деление природы на живую и неживую сложилось сравнительно недавно. Древние люди считали, что ничего мертвого в мире не существует. Весь окружающий мир мыслился ими как одушевленный. А сама культура – «вторая природа», по словам А.Я. Гуревича, – возникла на взаимоотношении человека с природой [10. С. 59].

Современное гуманитарное познание – сложнейший процесс, в котором, во-первых, должны объединяться знания разных наук [11], а во-вторых, взаимодействовать различные парадигмы исследования – традиционные и нетрадиционные, классические и неклассические, границы между которыми подвижны. Как справедливо отметила В.И. Постовалова, «в определенный момент новыми и неклассическими могут оказаться забытые и некогда бывшие классическими парадигмы и представления» («Диалектические тайны» языка в лингвофилософском осмыслении А.Ф. Лосева). Примером может быть

гумбольдтовская идея о языке как миропонимании, которая значительно опережала состояние современной ему науки, но неожиданно возродилась в концепции языковой картины мира. Интересующая нас проблема феноменологии и метафизики природы как раз из разряда таких проблем, в которой переплетены знания естественных наук, философии, ряда гуманитарных наук – от лингвистики до поэтики. Например, мы настолько пронизаны природой, что многие явления воспринимаем через нее. Так, жизнь языка еще со времени младограмматиков уподоблялась жизни организма: «Язык есть организм», метафоры *рождение языка, органическое целое языка*. Для решения названной проблемы феноменологии природы должны быть задействованы интуиция, иррациональное, внутреннее, мифологическое и другие аспекты знания.

Сейчас доказано, что полноценное существование человека возможно только во взаимосвязи и взаимодействии его с миром, другими людьми, природой, самим собой. И природа здесь не на последнем месте, как показывает нам язык. Например, выражение душевных состояний дается через природные явления (*закат жизни, утро жизни, щедрость земли*), а моральных качеств человека – через обращение к миру животных: *хитрая лиса; пастух – это вождь, а стадо – его подданные*. Многое в понимании мира строится на метафорах строения человека и животных – *сердце родины, артерии страны*; представлении стихийных явлений (*грозы, ветра, молнии*) в образе *птицы и коня*, что возникло из общего впечатления быстроты.

Русским присуще представление о душе как о птице, это нашло отражение в русских сказках, поэзии:

*Вот я иду, а где-то ты летишь,
уже не слышишь сетований наших,
вот я живу, а где-то ты кричишь
и крыльями взволнованными машешь*

(И. Бродский)

Таким образом, постижение природы человеком нашло отражение в языке – его метафорах и фразеологизмах. До сих пор мы часто мыслим метафорами антропоморфного сознания: «Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность, широта» [12]. До сих пор мы говорим – *широта помыслов, глубина души* и т.д. Фразеологизмы и метафоры до наших дней сохранили память о тончайших наблюдениях человека за природой, что подтверждается наличием в языке выражений типа *в природе вещей* (в значении «так и положено»), *от природы* (в значении «от рождения»), *прирасти сердцем* (привыкнуть, привязаться); белорусский фразеологизм *з природы* (от рождения) и др. Данный языковой материал лишней раз подтверждает, что ранее мир не знал резкой разделенности мира на природный и человеческий.

Вот как видит эту связь современный белорусский поэт Д. Симанович в своем стихотворении «Наверно, в этом связь...»:

*Наверно, в этом связь
глубинная видна:
Лучёса разлилась –
и разлилась Двина.
И сердцу легче вдруг
среди лесов и нив.
И, как спасенья круг, –
Весенних рек разлив.*

Мы видим в мире только то, что есть в нашем языке. В словаре М. Фасмера слова *природа* вообще нет. Но оно одного корня со словами *Род, родник, Родина, народ* и др. (см. работы М.В. Пименовой и Ю.В. Вайрах о Роде). Синонимы – природа = естество, натура, сущность, которые активно присутствуют в языковом сознании разных народов. Само слово *природа* появилось позднее в тесной связи с названными и уже принимаемыми русским человеком сущностями. Следовательно, взгляд на мир сквозь призму языка позволяет точнее увидеть природу во всей ее полноте. В. Хлебников в статье «Учитель и ученик» предвидел: «только рост науки позволит отгадать всю мудрость языка, который мудр потому, что сам был частью природы» [13. С. 152].

Русская природа имеет душу, она носительница высшей мудрости и красоты: «*Не то, что мните вы, природа / Не слепок, не бездушный лик / В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык*» (Ф. Тютчев).

Ночная природа у Тютчева живет в унисон с небом, луной под их мягким свечением:

*Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звёзды рдеют,
Как над сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...

Усыпительно безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убелённые луной.*

Безмолвные нивы зреют под светом звезд в ночной тиши, они освещаются белым лунным светом, что создает единую картину ночного поля. Свет луны и звезд связывает небо и жизнь хлебов в единое целое.

Древние народы были более наблюдательны, потому что больше зависели от природы. Не случайно Ф. Тютчев писал:

*Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..*

Тютчев чувствует гармонию мира: *Играют выси ледяные / С лазурью неба огневой* (1829). Вот, например, реакция природы на вечернюю прохладу:

*И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды. (1828)*

Мы едины с природой, и только вместе можем выжить, считает поэт:

*Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них! (1829)*

Картины природы в восприятии поэтов, например, Ф. Тютчева, воплощают глубокие, напряженные раздумья о жизни, смерти, человеке, мироздании. Изображения природы и мысли о ней сплавлены воедино, например в стихотворении «*Утро в горах*»:

*Лазурь небесная смеётся,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьётся
Долина светлой полосой... (1852)*

Природа у Ф. Тютчева насыщена звуками, красками (*лазурь, светлая*); она нескончаемо богата, изменчива, она даже в этом небольшом стихотворении – огромное целое, единый организм. Она устремлена к величественному, бесконечному. Впечатление приподнятости, радостной торжественности достигается метафорой (*лазурь небесная смеётся*), наличием «удлиненных» слов с несовременным ударением (*волшебством*) и другими языковыми средствами.

С научной точки зрения эта мысль обоснована Г. Гачевым в его концепции триединства Космо-Психо-Логоса. Георгия Гачева можно считать основоположником особого подхода в анализе мира космофизики, науки, в которой исследуется мудрость природы.

На первое место в своей концепции триединства *местной природы, характера человека и его ума* Г. Гачев ставит Природу, в которой он видит особую мудрость: «Горы, море, степь, лес предрасполагают к особому рода построениям в мировоззрении и даже в логике» [14. С. 6], – считает Г. Гачев и предлагает понимать природу как языковой смысл, «читать ее текст и завет нам» [Там же]. Природа – это «заповеди, скрижали и письмена самого Бытия». Именно природу он считает самым стабильным началом в национальной целостности, она для ученого главное, что «постоянно питает и воспроизводит национальную целостность», Природа для него не «географическая среда», а «Матерь(я)» [14. С. 16].

Не случайны поэтому слова Г. Гачева, предложившего «Природу читать духовно, а духовные явления осмыслять в контексте Природы, материально», что очень созвучно образу природы в стихах Ф.И. Тютчева [14. С. 25].

Таким образом, картины природы, входя в сознание русского человека и преломляясь в нем, приобретают значение сложных концептуальных метафор и символов, творящих русский образ мира, а сами тексты разных видов искусства становятся источником этноментальных знаний, подтверждая мысль Сенеки о том, что всякое искусство есть подражание природе.

Вместо заключения

Человек и природа живут по единым законам. Цветы, запахи, звуки, звери и птицы – всё это волнует человека, неповторимый аромат трав после дождя делает нас мягче и сильнее одновременно. Л. Толстой считал, что единение с природой – одно из условий счастья: «одно из первых и признанных всеми условий счастья, есть жизнь такая, при которой не нарушена связь человека с природой...» [15]. Взаимоотношения человека и природы могут успешно исследоваться в богословии, лингвистике, поэтике, но это и феномен культуры. Природа много говорит нам о Боге. Она свидетельствует о Боге Творце: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь...» (Пс. 18,2).

Литература

1. *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2006.
2. *Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М.* Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2016.
3. *Постовалова В. И.* «Диалектические тайны» языка в лингвофилософском осмыслении А. Ф. Лосева // Теолингвистика. М.: Изд. Братства Святителя Алексия, 2022.
4. *Ницше Ф.* Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск: Воля, 1991.
5. *Планк М.* Религия и естествознание // Вопросы философии. 1990. Т. 8. С. 25–35.
6. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения: в 4 т. Т. 1. М.: Наука, 1983.
7. *Паскаль Б.* Мысли. М.: Изд. Сабашниковых, 1995.
8. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
9. *Николаенко А. В.* Муравьиный Бог: реквием. М.: АСТ, 2022.
10. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство Формат, 1984.
11. *Маслова В. А.* Синкретизм и междисциплинарность как доминирующая теория будущего // Лингвистика первой четверти XXI века. Тенденции, итоги и перспективы. М.: Флинта, 2024. С. 27–32.
12. *Бердяев Н. А.* Русская идея. М.: Litres, 2022.
13. *Хлебников В.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. СПб.: Академический проект, 2001.
14. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995.
15. *Толстой Л. Н.* Дневники и записные книжки 1910 года. DirectMEDIA, 1935.

THE MIRACLE OF NATURE AS A SACRED METAPHYSICAL ENTITY

Valentina A. Maslova*

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
33 Moskovsky Avenue, Vitebsk, 210038, Belarus*

Abstract. Using the example of human perception of nature, the article shows that this is a miracle, and nature itself is a sacred and metaphysical essence. The veil over the mystery of the miracle can be lifted through language and poetry, which is the highest manifestation of the national language, its peak and quintessence. A miracle is perceived and experienced by a person, he understands his incomprehensibility and power over himself.

Keywords: sacredness, religious miracle, miracle of nature, Russian linguistic culture

* E-mail: mvavit@tut.by